UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324612 1

Remizov, Aleksei Mikhailovich
Chakkhchygys-Taasu

PG
3470
R4C3
1922a

Remizov, Alekseĭ Mikhaĭlovich

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Chakkhchygys-Taasu

ЧАКХЧЫГЫС-ТААСУ

СИБИРСКИЙ СКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ БЕРЛИН

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/chakkhchygystaas00remi

ALEXEI REMISOW

TSCHAKHTSCHIGIS-TAASU

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN W. 30

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

ЧАКХЧЫГЫС-ТААСУ

СИБИРСКИЙ СКАЗ

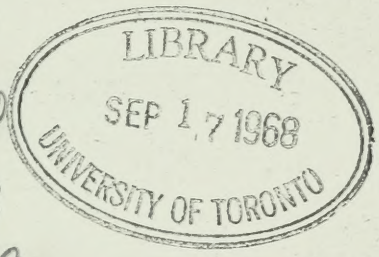
ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ / БЕРЛИН

Право собственности закреплено за издательством
во всех странах, где это допускается законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht.

Copyright by Editor („Scythians")
1922

PG
3470
R4C3
1922a



ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

СИБИРСКИЙ СКАЗ

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

МАНЕГРСКАЯ

В начале был огонь и вода.

Огонь и вода опустошили всю землю.

Потом Бог создал человека — брата и сестру, в тех самых землях, где живут орочоны, от китайцев далеко.

И говорит сестра брату:

— Давай жить, как муж и жена, а то пропадем, и кончится человек на земле.

Брат заплакал, да раздумался и согласился.

Через год родился у них сын, потом две девочки и еще сын.

Большого сына звали Манягир, дочерей — Учаткан и Говагир, меньшого — Гурагир. А имя отцу — матери было Ойлягир, и детей, что родились после, назвали Ойлягир.

Так пошли пять родов.

*

Жили люди на земле, а ничего-то у них не было: ни оленей, ни лошадей, ни собак.

И говорит старая мать детям:

— Убейте меня, снимите с меня кожу и мясо, разделите кости. Кости разбросайте ночью по всем сторонам. А, бросая, говорите: „Это пусть будет

лошадь, это олень, это корова, это собака, это жена, это дочка!"

Младшая дочка Говагир заплакала — нет, она такого не может исполнить!

А ночью, когда все спали, больший сын Манягир убил старую мать и сделал так, как она наказала.

И вот по утру около стойбища послышался шум — лошади, олени, коровы, собаки и люди сходились со всех концов, как обещала старая мать.

Так пошли люди и звери.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ
КИТАЙСКАЯ ВОДКА И ВОДЯНЫЕ

МАНЕГРСКАЯ

Жили-были семь братьев.

Раз случилась им большая удача: набили они много всякого зверя.

Три шайбы наполнили сушеным мясом, — шайба это амбарчики на столбах в тайге, — на долго запасли себе корму.

И стали братья, кроме одного брата, ловить зверей живьем.

С живого зверя бережно, чтобы не повредить жил, сдерут шкуру и пустят так безшкурого на волю.

Ну, зверь голый — смешно.

Смеялись братья, кроме одного брата.

И вот однажды, натешившись над зверями, пошли братья к шайбе за едой.

А шайба, как живая, все дальше и дальше от них.

Долго братья гонялись за ней, а она уходит и уходит, как живая. Стреляли из луков — ничем не остановишь.

И перемерли братья голодной смертью, кроме одного брата.

Не помер тот, что не обижал зверей.

Тогда шайба остановилась и накормила его.

*

Было семь братьев, остался из семи один.
И стало ему одному без братьев скучно.
И пошел он, куда глаза глядят.
И так шел он, шел и дошел до китайцев.
Ласково приняли его китайцы: один буду предлагает, другой кукурузу, третий лепешки.
А он все отказывается: с рода не видывал такого, — есть-то ему боязно.
— Ну, и чудак!
И решили китайцы угостить его китайской водкой.
Бое водку выпил, как воду, — три чашки, и что потом было, ничего не помнит.
А по утру проснулся, видит, все те же китайцы.
И говорят ему китайцы:
— Приводи к нам свой народ, у нас жить хорошо.
И стали собирать его в дорогу: научили, как печь лепешки, дали ему и буды, и водки — да с Богом.

С китайскими дарами добрался бое до тайги, до своего дома, созвал народ.
И первым делом угостил водкой — хотелось ему посмотреть, что такое бывает с водки, какая ее сила, сам ведь тогда у китайцев заснал всякую память.
Выпили товарищи, пошумели, ну, один задрал, другой сказал, повздорили, помирились, скакать принялись, наскакались, да тут же и спать бухнулись.
А как глаза продрали: он им лепешек.
И рассказал все о китайцах.
— Да, — говорят, — надо итти к богдо; хорошо живут!
И согласились: собраться всем и итти всей тайгой в землю дауров.

*

А жили в речке около стойбищ водяные человеки, и много они бое докучали. И чего только бывало

ни придумывают, а извести их никакими силами невозможно.

Вот, чтобы с водяными покончить, и придумали бое такую хитрость: сошлись они к речке, расселись на берегу и ну пить воду — один чашку выпьет, передаст другому.

Сами-то воды напились, а в чашку водки налили, и оставили эту чашку на берегу да по домам.

И как опустел берег, водяные на берег и прямо за чашку — подсмотрели, как люди-то пили.

Чашка — нѣмного, да много ли надо водяному: глотнет и готов!

Осоловели совсем водяные, — ни рукой, ни ногой, — да кто, как был, так и полегли влежку.

Тут бое всех их до одного и переловили.

Вся тайга сошлась на такое диво.

А как поближе рассмотрели, и ничего особенного: человек, как человек, только что голышем — ни на нем ормуз, паголинков по нашему, ни на нем штанов, а как мать родила, — кланяются.

Вот они какие — водяные.

КИТАЙСКАЯ ШАПКА

МАНЕГРСКАЯ

Было это в те далекие времена, когда на берега Зеи не ступала нога ни русского, ни китайца, и кочевали бое на оленях.

Бое, как и соседи их — орочоны, и соседи их соседей — бирары и гольды, были большим народом — и не десятками, как нынче, а в тысячах считались.

Люди рождались и проходили по земле, как красная рыба кэта узилась широкая тайга, и от тесноты вражда подымалась среди людей.

Брат пошел на брата. Род забывался и каждый думал только о себе и жил по себе. Никто никого не хотел слушать. И своеволью не было никакого упора. Полуголовый и безголовый считали себя головою. Вся жизнь перевернулась, и никому житья не стало. Худые люди, а такие везде найдутся, дано ли тебе тысяча оленей или ни одного, худые люди стали обижать хороших. А жаловаться некому было, и заступы негде искать.

Жили бое крепко и дружно родом, а замутилось, и стали друг другу как самые первые враги.

Вот и сошлись кто помудрей да потолковей и и решили, что без царя никак невозможно.

А был один самый зоркий — Касяки Ойлягир.

Взял он себе котомку с соболями на плечи, рогатую пальму в руки, покликал серую свою собаку, умылся из родной реки Силирин-биры и в путь — царя искать.

★

Долог и труден был путь.

На юг Силирин-биры шел Касяки. Немало встречалось разного народа по дорогам. И сначала понимали, что говорил он, а потом речь его стала другой, как таежный шум, как птичий клик, и сам он перестал понимать других.

И только одно: как заговорит о царе — где ему найти царя? — всякий указывал дорогу.

Большие ноены — правители богатых родов, случалось, звали себя царями, но Касяки всегда угадывал обман и шел дальше. Царское имя — где найти царя? — было ему верным поводырем.

Так дошел он с серой своей собакой до самого дома, где жил царь китайский.

А к царю его не пускают.

— Зачем и откуда? — не хотят пускать, хоть что хочешь.

Стало Касяки обидно:

— Как! Его не пустить? А вот возьмет он свою рогатую пальму, да пальмой.

Царь услышал шум.

— Что такое?

Говорят царю про Касяки.

Царь подумал:

„Вот какой смелый, никого не боится: один со свой пальмой на всех!“

Велит привести к себе Касяки.

И вошел Касяки к царю, положил перед царем подарки — сорок черных соболей.

Царь коснул мех, а из-под черного, как небеса, заголубело, — глаза у всех и разбежались: впервые увидели китайцы соболиную шкурку.

— Пришел царя искать, — сказал китайцу Касяки и помянул о смуте, о родной реке Силирин-бире, — от смуты житья не стало.

Выслушал царь Касяки, велел принести отдарки: золота и серебра.

Да Касяки-то ничего брать не хочет: золото — он от роду не видел золота — и золото в глазах его, что медь, а серебро сошло за олово.

Подумал и кусочек серебра взял — на пули пригодится.

А царь подумал:

„Вот он какой: и смел, и щедр, и ничем не прельстишь — ни золотом, ни серебром. Да это и есть царь!“

И велел принести шапку: китайскую шапку с синим корольком — шарик такой, и еще просто шариков горсть.

И когда подали царю шапку и шарики, царь надел шапку на Касяки.

— Ты будешь царь над бое, — сказал царь, — а эти шарики раздай приятелям, кому поверишь, и будут они твои полковники и урядники. А кто тебя не послушает, возьми палку, да палкой — послушают! По своей-то воле жить, надо, чтобы у человека было и тут, и там, — царь показал на голову себе и сердце и, подняв руки, распростер, как крылья, над головой, — да и здесь вот.

*

В китайской шапке с синим корольком вернулся Касяки домой на Силирин-биру и об'явил бое, что он царь их, и указал на шапку.

Подняли на смех. И кто поверит — китайская шапка с шариком, царь! — и такой галдеж пошел, прохода нет.

А Касяки позвал приятелей, роздал им шарики, — сказал царское слово.

Полковники и урядники взяли палки.

И те, кто смеялся, живо поджали хвост — такой уж смерд человек, коли нет в нем — нет ни тут, ни там, ни здесь вот.

Палка гуляла во всю, лупила смехунов прямо на смерть.

Видят, Касяки большой начальник, и стали слушаться.

А воры попрятались, горланы поумолкли.

И завелся настоящий порядок.

До глубокой старости царствовал над бое Касяки Ойлягир. А по смерти его шапка с синим корольком перешла его сыну, а от сына внуку.

И по смерти полковников и урядников, приятелей Касяки, шарики их пошли их детям.

Так нарядились бое.

И до ныне крепки их роды: Ойлягир, Манягир, Говагир, Гурагир, Учаткан — и привольней житья ни один народ не знает.

БЕЛЫЙ ВОРОН

ЧУКОТСКАЯ

Жил-был большой богач и было у него двое детей — сын да дочь.

Вырос сын и задумал старик сына женить. И по богатству старика не мало нашлось невест. Старику-то они по душе, да сыну неладны: поживет молодая жена день-два и назад к родителям ступай! Уж старик рукой махнул и перестал сватать.

Говорит Эйгелин сестре:

— Сшей мне, сестра, десять пар обуток, наклади их полны жиромъ: за море иду!

Послушала сестра, приготовила брату десять пар мягких обуток, наполнила оленьим жиром.

Забрал Эйгелин обутки, простился с домом.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь, — не спит, не присядет. И только, как башмаки запросят каши, остановится переобуться, поесть.

Так и идет.

Встречу ему белый ворон.

— Ты куда пошел, Эйгелин?

— Иду за море.

— Не ходи: сгинешь!

— Эна!

— Говорю, не ходи: не пройдешь.

— Нет, все равно пойду.

До трех раз остерегал ворон и трижды был один ответ: Эйгелин стоял на своем.

Вынул ворон из-под левого крыла длинный нож.

— На, булат на случай! — и улетел.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь. На пути ему застава — полынья, да такая, конца краю не видно.

„Знать и вправду не пройдешь!“

И хоть назад иди.

Да вспомнил про воронов батас, — отошел, разбежался, взмахнул батасом и, как на крыльях, стал на другой стороне.

Идет дальше — опять застава: впереди камень, как гора, и весь в снегу.

Подошел поближе — камень шевельнулся, не камень, — белый медведь.

Взмахнул Эйгелин батасом да на медведя и духом вскочил зверю на спину.

Кинулся медведь, заревел и ну бегать, бегать-скакать — хочет сбросить, да цепок Эйгелин, держится крепко. И обессилел медведь, а батас его кончил.

Отрезал Эйгелин у медведя из-за уха длинный волос, как аркан оленій, длинный, скатал кольцом и себе в колчан.

Идет дальше. А впереди заставой белеет снежный хребет. Ближе подошел — шевелится, и не хребет это снежный, — белый горностай.

Кинулся Эйгелин на горностая, вскочил на спину.

Как бешеный, побежал горностай, завертелся, закувыркался, да сделать ничего не может и упал под острым батасом.

И у горностая срезал Эйгелин из-за уха волос, скатал в кольцо да себе в колчан.

Идет дальше. Перешел море. Берегом идет. И опять застава — яр, да такой крутояр, и между

прогалин снег. Всмотрелся, а яр, как живой, не яръ — пестрая гусеница.

И как тогда на медведя, как там на горностая, бросился Эйгелин на гусеницу, крепко уцепился.

Билась, извивалась гусеница — и ничего не помогло: Эйгелин убил и гусеницу, как медведя и горностая. И у гусеницы отрезал волосъ, скатал кольцом и в колчан к себе.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь.

Много стоит руйт — больших кожаных юрт. Подошел поближе и в сторонке прилег.

У руйт молодежь пинала мяч. Ловко шла игра.

И из всех, особенно одна, — длинные косы до пят, — приковала к себе его глаза: когда она бежала, ее косы, как прутья, стояли за спиной, — так была она быстра.

И еще две другие показались Эйгелину: схожие с лица, они бегали все рядом, не перегоняя и не отставая друг от дружки, словно сшиты.

„Вот которую одну из этих и возьму в жены!“ — решил Эйгелин.

И когда стемнело и пошли сестры, он за ними следом.

Нагнал у руйты.

И когда одна из них ступила в руйту, он схватил за руку другую, — та оглянулась и ввела его с собою в руйту.

— Вот наш гость!

*

В руйте сидел старик. Стал расспрашивать: куда и откуда?

— Из-за моря, — сказал Эйгелин.

— Ну и даль! Как это ты умудрился?

Эйгелин велел принести колчан, вынул медвежий волос.

Посмотрел старик, покачал головой.

— Ну, и бедового-ж ты зверя уходил. Кому доводилось на море ходить, сети метать, встреча с этаким — погибель: много кого не вернулось!

Эйгелин достал волос горностая.

— А этот еще лютее, — сказал старик, — заприметит и готово: все равно, где хочешь настигнет, не увернешься. Не мало погубил народа.

Эйгелин показал волос гусеницы.

— Ну, а это уж, как сам страх: кому, охотясь за диким оленем, случалось встречаться, живым еще никто не уходил! — старик посмотрел пытливо, — зачем ты к нам пришел?

— Так, — сказал Эйгелин.

— За хозяйкой?

— Да.

— Вот мои две: бери любую! — Только не выйдет дело. Такого, как ты, всякий заметит. Помяни мое слово: женит тебя на себе высокая, видел? с длинными косами.

— Ну, нет, я хочу взять твою дочь.

— Мало-б что хочешь. Очень жаль мне тебя, да не будет по твоему.

В руйту вдруг вошла та длиннокосая: она принесла новую одежду: от шапки-малахая до обуток все было белое без единого черного волоска и деревянное блюдо с мясом.

— Не хочу! отстранил Эйгелин.

Ничего не сказала, мигом умчалась из руйты и так же мгновенно вернулась, но уже с другой, с черной одеждой и поставила перед Эйгелином блюдо с оленьим жиром.

А у старика еще варится, не поспел обед.

Эйгелин вынул нож и взялся за еду.

Запечалился старик, да уж поздно: Эйгелин с'ел все блюдо.

— Ну, обувайся, пойдем ко мне! — сказала длиннокосая.

— Веди, разве я знаю куда! — поднялся Эйгелин.

И они пошли.

★

— Вот моя! — она показала на большую руйту.

И стала.

И он остановился.

— Побежим на перегонки: кто первый придет, тот и будет главным. Только знай, прибежишь первым, прыгай прямо в теплый полог, не зевай!

И побежали.

И обогнал Эйгелин — первым прыгнул в руйту.

Две собаки, прикованные железными цепями у входа, рванулись на него и оторвали у него полы.

Следом вошла и она в полог.

И трое суток провели они вместе.

В последнюю ночь слышит Эйгелин, шипит что-то.

Высунулся он, осмотрелся: железная руйта, на пологу черепа человечьи, а за деревянным столбом рассованны трупы — все, как на подбор молодые, сильные, как сам он.

И не убежишь: вход сторожат собаки, а отверстие вверху и высоко и узко.

„Тут мне смерть!“ — подумалось Эйгелину.

★

На утро говорит ведьма:

— Ты соскучился: хочешь, пойдем пинать мяч?

— Пойдем.

И пошли.

Собралась молодежь, завели игру.

И никто не мог справиться с ведьмой: когда она бежала, косы, как прутья, стояли за спиной, — так была она быстра.

А сестры неразлучно бегали вместе, словно сшиты.

И всех обгонял Эйгелин. И никто не мог кинуть мяч так далеко, как он.

Стало смеркаться.

— На, возьми одежду, иди вперед, я догоню! — позвал Эйгелин жену.

И когда ведьма скрылась, подошел он к сестрам.

— Скучно мне, — сказал он сестрам, — не спите ночью, пусть одна из вас караулит. Что то случится, чую.

★

Живет Эйгелин с женою. Без нее ни шагу: одному все равно от собак не выйти и не войти в руйту. Мало на людях, больше в теплом пологу. И с каждым днем все скучнее ему в теплом пологу.

— Ну, ты совсем заскучал. Давай играть хоть в пятнашки.

— Давай.

И она ударила его и отскочила. Он за ней, нагнал — не увернешься! — и сам ударил.

И пошла игра.

Играют ночь, играют день и еще день и еще ночь.

Стала она уставать, нет-нет да и задремлет. А ударит он ее, она встрепенется и опять уснет. И ударом он ее опять разбудит, но она уж не может ему отвечать.

На третью ночь, как убитая она заснула, и что он ни делал, не мог поднять: бил, толкал, тряс — ничего не берет.

И сам уморился.

Прилег — скучно ему.

★

В пологу у задней стены против входа чуть светит лампа.

И видит Эйгелин — полог начинает подыматься. Шелохнулся, и тень, как в воде рыбка, плеснула.

Лежит Эйгелин, не шевельнется, в щелку смотрит. И вот опять поднялась тень над лампой. Всмотрелся и видит: старая, сморщенная старушонка нагнулась к нему, а в руке ее нож, как серп, пекуль.

Тут он шевельнулся, а старуха безшумно метнулась, как рыба.

„Вот она, моя погибель!"

Эйгелин поднялся к жене. Но сколько ни будит: спит она, не слышит.

Взял он батас, отрезал жене ее длинные косы, надел ее платье, а ее нарядил в свое, перенес на свое место и так ее положил, чтобы не видно лица, сам же подвязал себе ее косы и лег на ее место.

Лежит Эйгелин, полузакрыты глаза, не шелохнется.

И вот показалась старуха, костлявая, — пекуль в руке. Постояла, посмотрела на спящих, шагнула — и еще раз шагнула — нагнулась костлявая над переодетой женой и задрожал пекуль в костлявой руке. Протянула руку да назад: или ошиблась? Что-то бормочет, не верит? И опять нагнулась, долго смотрела и вдруг как ударит.

Только вскрик, и кровь залила полог.

Кинулся Эйгелин да в руйту, пригнулся и прыгнул кверху к трубе. И только что ухватился за шест, звякнула цепь — сорвалась собака да его за ногу.

Висит Эйгелин, высунулся из руйты по пояс, держится крепко, а собака на его ноге висит.

И закричал Эйгелин.

*

Не спала одна из сестер, караулила. Слышит крик, разбудила сестру, да к отцу:

— Гость кричит, не случилось ли что?

Вскочил старик, схватил копье и поднял народ.

Всем народом побежали к железной руйте.

Эйгелин висел на руках по пояс над руйтой, и собака держала его за ногу, не отпускала.

Старик залез на руйту, спустил по ноге Эйгелина копье, заколол собаку.

И выбрался Эйгелин на волю.

Убили и другую собаку, да в руйту. А там, за пологом, за лампой, сундук. Открыли сундук — старуха: на корточках сидела костлявая — пекуль в руке, выла.

Живо порешили старуху, принялись за руйту. Разбили железную руйту. Много нашли мехов и всяких богатств — дорогие бобры, россомахи.

*

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика, а была и еще — постарше, да незадолго до прихода Эйгелина померла и мертвая валялась в тундре, брошенная зверям и птицам.

Раз по утру говорит старик Эйгелину:

— Неладное что-то во сне мне снилось. До сей поры лежит моя дочь, никем не с'едена, — не хорошо. Ты бы ее оживил.

— Да разве я могу такое?

— А что-ж? Ты прошел море, убил медведя, горностая, гусеницу, ты победил столько напастей!

Задумался Эйгелин: а и в самом деле не испытать ли силу?

И когда настал вечер, взял он бубен и начал камлать. И долго колотил он в бубен, потом гаркнул, как ворон — и мертвая сестра влетела в полог. Кинул он бубен, тряс и ворочал — и мертвая зашевелилась, ожила!

*

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика и третья, что оживил Эйгелин, а есть и четвертая, самая меньшая, ее старик не показывал.

Говорит старик Эйгелину:

— Много ты нам сделал добра, от многого ты нас избавил. Теперь можем спокойно ходить на море и в горы, изводить нас больше некому и наши сыновья будут жениться, наживать большие семьи. Пора и тебе жениться, да и домой отправляться на свою сторону.

— Ладно, — согласился Эйгелин.

— А пригони наперед оленей табун, — сказал старик.

Эйгелин пошел за табуном.

А старик сделал сани и балок — возок крытый. Все приготовил к кочевке. И когда Эйгелин пригнал табун, старик разделил табун: половина ушла в гору, другая — осталась у чумов.

Это твоя и будет! — показал старик, — теперь кочуй.

Смотрит Эйгелин, а та старшая дочь старика, которую оживил он, у саней хлопочет, готовится к от'езду и такая проворная, одно горе — и коса и крива.

★

Идут и идут — путь за море далекий.

Не покладая рук работает кривая: и ставит и собирает руйту и весь олений караван на ней, — и хоть бы одно доброе слово от Эйгелина!

Как-то Эйгелин был в табуне, а кривая влезла в балок, где тайно ехала с ними и самая младшая сестра, которую скрывал старик от Эйгелина.

— Надо тебя ему показать, — сказала кривая, — тогда он и со мной будет лучше. Больше сил моих нету.

Сестра согласилась.

А вечером говорит Эйгелину кривая:

— Не буду я ставить руйту, больно погодно. Ты ложись в балок, а я пойду в табун.

И ушла.

Сидит один Эйгелин, горько задумался о своей судьбе бесчастной, — вернется домой и все будут над ним смеяться: косая — кривая!

И с чего это она выдумала, чтобы лег он в балок, и совсем не так уже погодно!

Не хотелось ему и с места трогаться, все было постыло.

И все-таки стал он, повернул балок дверьми от ветра. Странно: больно тяжелый. Заглянул — а там сундук. Открыл сундук и понять ничего не может: в сундуке горит лампа, а около лампы сидит, да такая, никогда про такое не снилось.

Он в сундук и всю ночь не выходил на волю.

По утру приходит из табуна кривая: не узнать Эйгелина, — какой к ней ласковый и добрый и во всем помогает!

★

Кончился путь. Вот и родная сторона.

Услыхали люди: Эйгелин вернулся, привез жену из-за моря! — и понаехало народу со всех концов.

Встретила Эйгелина сестра. Старик-то не дождался сына, помер. Обрадовались друг другу.

Велит Эйгелин на радостях убить десять оленей, чтобы гостей угостить, а еще убить оленя, чтобы помазаться свежей кровью — станет он венчаться.

А сестре приказал настлать от возка до самаго полога тюленей, а сверх покрыть бобрами и россомахами.

И все было исполнено.

Кричит кривая:

— Торопитесь мазаться, кровь стынет!

А сама с сестрой Эйгелина пошла к возку.

И вывели они под руки невесту.

И как увидели парни такую, с ума посходили: кто дотронулся до ее руки или случайно коснулся одежды, кто прямо посмотрел ей в глаза, тот затрясся на месте, а которые тут же на месте и померли.

Пришлось отложить венчанье до другого дня, а невесту пока что спрятать.

И когда раз'ехались гости, повенчался Эйгелин и зажил счастливо с молодой женой.

А кривая заняла в доме место старшей жены: уважал ее и любил Эйгелин, как родную мать.

СУДЬБА

КАРАГАССКАЯ

Жил в своей юрте один бедняк Тутарь. Оленей у него было мало, юрта старая, и не одна кыс (девушка) не хотела выйти за него замуж.

Горько задумался Тутарь о своей горькой доле и решил: продаст он оленей, юрту, займется торговлей.

И распродал Тутарь добро, выехал к русским в деревню, купил три коня и товару на три коня. Навьючил коней и назад в тайгу—торговать.

Первую ночь заночевал Тутарь в тайге. А ночью волк задавил коня и разбросал товар.

Встает по утру Тутарь: конь задавлен, товар испорчен, и тут же волк смотрит.

Рассердился Тутарь, взял ружье: застрелить хотел. А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет, смотрит.

„Нет, не буду стрелять!“ — решил Тутарь.

И собрал Тутарь остальных коней и поехал дальше.

На вторую ночь волк опять задавил коня и товар испортил, а сам не уходит.

Еще пуще рассердился Тутарь, прицелился.

А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет, смотрит.

„Нет, не могу застрелить!“

И поехал Тутарь дальше уж с одним конем.

А в третью ночь волк задавил последнего коня и весь остальной товар испортил.

Тут уж Тутарь себя не помнит, схватил ружье, прицелился, только вот-вот собачку нажать.

А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет.

И опустил Тутарь ружье.

Тогда волк подошел совсем близко и говорит:

— Ты — добрый человек, Тутарь, иди назад в свою юрту, будет у тебя всего много — и оленей и зверя много добудешь.

А был этот волк сама судьба: не по судьбе, видно, чтобы Тутарь купцом стал.

Бросил Тутарь торговлю и зажил опять в своей юрте, и всего у него стало много — богатым сделался Тутарь.

ТРИ БРАТА

КАРАГАССКАЯ

На Уде реке, повыше Буртуш-айа, есть небольшое озеро — есть ли оно там еще или нет, не знаю! — А когда ни души еще не было на белом свете, вышли из озера три брата.

И стали братья подумывать, чего бы себе промыслить для корму — не было тогда ни ловушек, ни капканов, ни ружей.

Вот собрали братья в лесу хмелю, сплели из хмеля сети и стали сетями рыбу ловить. Наловили много рыбы, насытились.

Так и жили братья.

Стал большой брат упрекать батьев, что работают плохо.

— Едят много, а работать не хотят.

И повздорили.

— Не хочу с вами жить! — сказал средний брат и ушел в лес.

И там в лесу обернулся медведем.

— И я вас не хочу больше видеть! — сказал меньшой и ушел в землю.

И там, такой черный, обернулся в корень медвежий.

И остался один большой брат, — карагаз.

И живет человек на земле, убивает брата медведя, а медведь ест корень медвежий — брата.

СТОЖАРЫ

ЯКУТСКАЯ

Говорит однажды богатый Кудунгса — Огненный рот, старому шаману Кремню.

— Эй ты, старый хрыч, откуда берется зимняя стужа?

— А! — отвечает шаман, — это дыхание той вон звезды, что огнем бороздит небеса.

— Эй, ты, ну-ка, — надо разрубить ее нить.

— А! — отвечает шаман, — конечно. Я постараюсь. Надо-б мне два топора.

И дают по слову Кудунгса старому шаману два крепких роговых топора.

★

Пятого дня новой половины месяца Сосны, — на Купалу — шаман начал камлать.

Шаман велел закрыть окна и двери, запретил строго-на-строго, — даже носу не смей высовывать наружу! Двум крепким подручным приказал попеременно разжигать огонь. А сам надел волчью доху, шапку с рогом, туго завязал себе рот.

И семь дней и семь ночей без устали камлает шаман.

Нечем дышать от жары, а нет места на нем — весь с головы и до ног покрыт инеем, и текут, леденея, сосульки. На руках рукавицы из передних лапок волка, а его палец от мороза коченеет, как

сук. Топоры же его, два роговых топора от лезвия и до проуха — затупились, стираются.

И каждый раз, как ударит шаман топором, огонь студеной звезды, с шумом и брызгом рассыпая огни, пуржит.

Семь дней и семь ночей рубил шаман звезду и расколол большую звезду на семь звезд.

★

Стуча громко в бубен, шумно нисходит шаман на землю.

И очнувшись ропщет, указывая на хлевное окно:

— Негодная баба! говорил, ведь, даже носу не смей высовывать, высунула харю, и вот не осилил звезду! Однако-ж, месяца этак на два поубавил морозу.

С той поры студеные стожары из звезды большой, как полный месяц, на семь звезд раскололись, — излетели огнями, как огни из большого огнива.

СЕРКЕН-СЕХЕН

ЯКУТСКАЯ

Вещун земли и мира,
добрый советчик богатырей
сын старой царицы тынгырын,
а по отцу из рода одун — ревущий;

штаны — брюшко синей белки,
шуба — беличья спинка,
пояс — бельи обрезки,
шапка — белий затылок,
навески — бельи ушки,
шейный кушак — бельи хвосты,
сапоги — бельи задние лапки,
посох — костяная трава;

а дом его
— на росстани дорог —
пень дуплистый;

а жена его
— старуха —
от уха до брыл семь заплатков;

сам с ноготок,
борода по пупок,
голени — деньги,
руки - ноги — заячий ус;

а звать — позывать вещуна:
дедко
серкен - сехен!

КРОТ И КОРОЛЕК

ЯКУТСКАЯ

Положили уговор крот и птичка.

Крот обещался пустить зимою птичку в свою нору и поделиться от своих запасов.

Птичка обещалась, когда по весне вода зальет кротову нору, пустить крота в гнездо на корм и отдых.

Пичужка сдержала слово: и крот из всей ее добычи только и выбирал, что по душе ему было.

Так дружно провели в гнезде весну и лето крот и птичка.

Осенью, еще до снега, крот, по уговору, пустил к себе птичку, но кормил ее отбросом, больше корешками, и изголодавшейся в норе грозило помереть бедной смертью.

Не видя исхода, отчаялась несчастная птичка:

— Как это так! Я отдавала тебе одно только лакомое, а ты—что негоже. На будущий год—врозь!

— Тварь неблагодарная: расточала всю зиму мои запасы и ты еще смеешь!

Крот когтями ударил по темени птичку.

С той поры над землей летает — кровавый королек.

А крот каждую весну, как только вода зальет его нору, выходит на холмик.

И сидит под ивой.

Дрожа.

Бое — так сами себя называют манегры — народ тунгузского племени, охотники, когда-то оленные кочевники, кочуют на лошадях по правому берегу Зеи от Перы до Депа и от Перемыкина до Куматы, шаманисты.

В 1913 г. по свидетельству Дм. К. Соловьева, участника экспедиции в Амурскую область, манегров насчитывали 132 человека.

★

Ораведлат — так сами себя зовут чукчи — оленеводы и собаководы, живут от Берингова моря до реки Индигирки и от Ледовитого океана до рек Анадыра и Анюя, их около 6000 человек, шаманисты.

★

Карагасы — отуреченный народ самоедской ветви угро-финского племени, охотники, живут в Саянских горах по рекам — Оке, Уде, Бирюсе и Кану, крещеные шаманисты.

Насчитывают карагас до 405.

★

Сакха — так сами себя называют якуты — народ турецко-татарского племени, скотоводы, живут по Лене реке и ее притокам, и по Яне реке, и по Колыме реке до Ледовитого океана, крещеные шаманисты.

По Памятной книжке Якутской области к 1 января 1909 г. якутов числилось до 242000 человек.

1917-1921 г.

Люди и звери 9
Люди и звери, китайская водка и водяные 11
Китайская шапка 14
Белый ворон 18
Судьба 29
Три брата 31
Стожары 32
Серкен-сехен 33
Крот и королек 34

ОТТО ЭЛЬСНЕР / БЕРЛИН

Telberg Book Corp.

PG
3470
R4C3
1922a

Remizov, Aleksei Mikhailovich
Chakkhchygys-Taasu

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 08 18 03 003 0